

© А. С. Шмакова, Кидун Бэ, Е. Э. Войтишек

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.03)

УДК 94(5)+902+930.2+003.071

РИТУАЛ «ЗАХОРОНЕНИЯ АРОМАТА» 埋香 МЭХЯН НА ЮГЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ*

А. С. Шмакова (Новосибирск, Россия), Кидун Бэ (Ансан, Республика Корея),

Е. Э. Войтишек (Новосибирск, Россия)

Среди ритуалов различного типа, сформировавшихся в русле синоероглифической культуры Восточной Азии, ритуал «захоронения аромата» (埋香) занимает особое место. Он связан с древесиной агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), которая с давних пор широко известна на Востоке. Зародившись на территории Южного Китая в древности как погребальный церемониал, когда тело усопшего обкладывали кусками ароматической древесины, в дальнейшем ритуал «захоронения аромата» не получил в Китае особого развития (при этом в китайской литературной традиции с VII в. этот термин был связан с понятием «хоронить красавицу»).

Не закрепившись на территории Китая и не дойдя до Японских островов, традиция «захоронения аромата» широко распространилась на Корейском полуострове, особенно в период Средневековья – с VIII по XV вв. Это явление подразумевало два этапа: ритуал захоронения ароматической древесины в землю с целью ее «состаривания» и, возможно, сопровождавшийся ее возжиганием, а также установка каменной стелы 埋香碑 мэхянби в честь этого события. Оба этапа могли быть разведены по времени на десятки и сотни лет.

На основе полевых наблюдений и изучения письменных источников в работе определена типология обнаруженных к настоящему времени на юге Корейского полуострова каменных стел, выявлено их значение как важных исторических, археологических и эпиграфических памятников, определена тесная связь ритуала мэхян с буддизмом (в частности, с культом Будды Майтрея), отмечена общность многих культурно-исторических процессов в культуре Восточной Азии.

Ключевые слова: «захоронение аромата», агаровое дерево (аквилярия), ритуал мэхян, каменные стелы мэхянби, Восточная Азия, Корейский полуостров, буддизм.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045)

Шмакова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет.

E-mail: shmakovaa@yahoo.com

Бэ Кидун – профессор департамента антропологии, Университет Ханъян, директор Института культурного наследия, г. Ансан, Республика Корея.

E-mail: bkd5374@gmail.com

Войтишек Елена Эдмундовна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой и отделением востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет.

E-mail: elenavoyt@academ.org

Среди ритуалов различного типа, сформировавшихся в русле синоиероглифической культуры Дальневосточного региона, особняком стоит ритуал «захоронения аромата» 埋香 (кит. *майсян*, кор. *мэхян*, яп. *майко*:)¹.

Понятие «захоронение аромата» связано, прежде всего, с древесиной агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), которая уже в древности была широко известна в культуре четырех древних цивилизаций – Индии, Древнего Египта, Вавилона и Китая. Различные виды древесины аквилярии, обладая терпким ароматом, издавна использовались в санитарно-гигиенических и медицинских целях для окуривания помещений, ароматизации одежды и утвари, активно применялись в религиозных ритуалах, жертвоприношениях, дворцовых церемониалах. Статус агарового дерева как «царя ароматов» всегда был чрезвычайно высок. До сих пор составляя в странах Восточной Азии ядро культуры благовоний, эта ароматическая древесина² занимает важное место не только в традиционной медицине, в парфюмерной и косметической промышленности, но и активно используется в декоративно-прикладном искусстве и в буддийско-даосских культовых практиках.

Все виды аквилярии (их насчитывается около 15) обладают древесиной, относящейся к мягким смолистым породам. Примечательно, что древесина аквилярии до заражения грибом не имеет запаха – дерево источает приятный хвойный аромат только под воздействием бактерий, когда начинает вырабатывать смолу для подавления грибковой флоры. При этом сила аромата зачастую зависит от бактерий,

обитающих в древесине и уплотняющих смолу, которая сохраняется даже в высохших деревьях. Сами благовония изготавливались из древесины аквилярии, долгие годы пролежавшей в земле или гнившей в воде. Это свойство подтверждается и одним из ее названий: аквилярия китайская (лат. *Aquilaria sinensis*), произрастающая в теплом и влажном климате Юго-Восточной Азии, по-китайски звучит как 土沉香 *тучэньсян* (букв. «ароматическая древесина, [перегнившая] в земле») – при этом как раз имеется в виду густой аромат, идущий от земли. Процесс «созревания» древесины мог занимать очень длительный срок – от нескольких десятилетий до сотен лет.

Видимо, в условиях субтропического климата Юго-Восточной Азии это свойство древесины аквилярии источать аромат, будучи зарытой в землю, было давно подмечено и освоено традиционной культурой региона. Неслучайно за многие сотни лет в культуре Восточной и Юго-Восточной Азии сформировалось понятие 埋香 («захоронение аромата»), которое, прежде всего, подразумевает ритуал закапывания в землю фрагментов благовонной древесины или ее воскурения с целью умилоствления духов неба и земли.

Описания ритуалов жертвоприношений с применением ароматических веществ встречаются во многих китайских трудах древности. Так, в классическом тексте «Образцовые церемонии и ритуалы» (儀禮 «И ли»), входящем в конфуцианский канон «Тринадцатикнижие», указывается: «Для жертвоприношения Небу возжигали [жертвенные предметы]³. Для поклонения духам гор восходили на холмы. Для

¹ Под ритуалом здесь и далее вслед за В. У. Тэрнером мы будем понимать корпус верований и действий, исполняемых особой культовой ассоциацией [1, с. 16].

² Существует множество ее названий: аквилярия, алойное дерево, агаровое дерево, тонущее [в воде] дерево, орлиное дерево и др. В иероглифическом написании:

沉香 – кит. *чэньсян*, кор. *чхимхян* (букв. «тонущий [в воде] аромат»); 伽羅 – яп. *кяра*.

³ В качестве жертвенных предметов в древних текстах указываются фрагменты древесины, ароматических

поклонения духам рек [жертвенные предметы] топили. Для поклонения духам Земли – закапывали». В другом каноническом трактате «Тринадцатикнижия», где трактуются древние ритуалы, обряды и правила этикета, – «Ритуалы династии Чжоу» (周礼 «Чжоу ли») – также указано, что при поклонении духам гор, лесов, рек и водоемов жертвенные предметы захоранивали в землю или погружали в воду (Цит. по: [9, с. 8–9]).

По-видимому, зародившись на территории Южного Китая в древности как погребальный церемониал, когда тело усопшего обкладывали кусками ароматической древесины, в дальнейшем традиция «захоронения аромата» не получила в Китае особого развития. При этом в китайской художественной и эссеистической литературе – по крайней мере, с эпох Тан (VII–X вв.) и Сун (X–XIII вв.) и вплоть до конца эпохи Цин (рубеж XIX–XX вв.) – это понятие функционировало в значении 埋葬美女 *майцзан мэйнью* «хоронить красавицу», «хоронить прекрасную молодую женщину» [2, с. 102–107].

При наличии глубоко укоренившейся традиции возжигания ароматической древесины аквилярии в Японии, впервые зафиксированной в мифолого-летописном своде «Нихон сёки» (720 г.) в записи, датированной 595 г., а также в связи с существованием искусства благовоний 香道 *ко:до:* (букв. «путь аромата»), которое наряду с чайным действием и искусством составления цветочных композиций является важным символом национальной культуры, следов распространения данного явления на Японском архипелаге до сих пор не выявлено [13, pp. 232–233].

Не закрепившись на территории Китая и не дойдя до Японских островов, традиция «захоронения аромата» тем не менее широко распространилась на Корейском полуострове, особенно в период Средневековья – с VIII по XV вв.

На месте захоронения фрагмента ароматической древесины (обычно имеется в виду аквилярия) устанавливали каменную стелу 埋香碑 (кит. *майсянбэй*, кор. *мэхянби*) с надписью, содержащей информацию о времени, цели и субъекте совершения ритуала. Надпись также могла быть вырезана на участке скалы, расположенной в горах неподалеку от места проведения ритуала.

Необходимо отметить, что в настоящее время термин 埋香 («захоронение аромата») используется в культуре благовоний Восточной Азии в узком значении – как метод поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел. Суть этого приема заключается в том, что мастер делает углубление в специально подготовленном сосуде с пеплом, затем помещает внутрь него ароматический порошок и поджигает его, следя при этом за притоком воздуха и подсыпая слой за слоем еще пепел. При соблюдении всех условий из недр сосуда выходит струйка ароматного дыма, воздействие которого благотворно влияет на физическое и нравственное здоровье участников ритуала.

Ввиду того, что к настоящему времени в соседних странах синоероглифического региона почти не сохранилось памятников, свидетельствующих о существовании сходных культовых практик, сам ритуал «захоронения аромата» чрезвычайно трудно реконструировать⁴. До сих пор остается много вопросов,

растений (злаки, полынь), вино, куски нефрита или изделия из него, куски шелка, жертвенные животные – бык, баран, кабан.

⁴ В Китае к настоящему моменту известен чуть ли не единственный памятник такого рода. Это каменная стела, установленная в сер. XIX в. при династии Цин

связанных с этим феноменом корейской этнической культуры. Так, не представляется возможным с точностью утверждать, действительно ли на месте установки каждой стелы закрыты куски благовонного дерева, а если это действительно так, то на какой глубине и каким образом они расположены. Нет также данных о самой процедуре отправления ритуала, ее этапах, атрибутике, причинах активного использования в периоды Корё (918–1392) и Чосон (1392–1910).

Тем не менее, судя по имеющимся данным, уже сейчас оказывается возможным определение типологии каменных стел, обнаруженных на территории Республики Корея.

1. Географическое расположение

Памятники находятся, главным образом, в юго-восточной и южной части Корейского полуострова⁵ в уездах близ небольших городов, имеющих выход к морю. Наиболее подходящим местом для установки памятника считалась территория, на которой горная река впадает в крупный водоем.

Среди памятников, известных на сегодняшний день, девять расположены в провинции Чолла-Намдо, один – в Канвондо, один –

в Чхунчхон-Намдо, два – в Кёнсан Намдо, один – в Пхёнъян-Пукто [5, р. 96]⁶.

2. Датировки

Большинство памятников относится к концу эпохи Корё – началу эпохи Чосон, т. е. X–XIV вв., но отдельные памятники корейскими исследователями квалифицируются как более ранние (VIII в.) и более поздние (XV в.).

3. Внешний вид и форма

Памятники представляют собой, как правило, массивные куски горной породы (прямоугольные, квадратные, трапецевидные, круглые) с нанесенными на необработанную поверхность иероглифами. Южнокорейские исследователи выделяют два типа памятников – отдельно стоящие каменные стелы с надписями (碑石 *писок*) и скальные основания с выгравированными надписями (岩石 *амсок*). Необходимо при этом отметить, что часть знаков на памятниках не поддается расшифровке из-за сильного выветривания и эрозии горной породы.

в парке Таожаньтин (陶然亭公园) в Пекине. Это сооружение находилось на могильном кургане императорской наложницы, на нем была выгравирована поэтическая надпись в изящном литературном стиле. На фронтальной поверхности плиты были нанесены иероглифы 香冢 *сян чжун* (букв. «ароматный могильный курган»). Стела не сохранилась – следы ее после «культурной революции» затерялись. В Японии в храме Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) есть две каменные стелы, установленные в 1995 г. в память о событии, с которого на Японском архипелаге началась история использования ароматической древесины. На одной из стел изображен стилизованный иероглиф 香 «аромат», а на другой нанесен текст с цитатой из 22-го свитка «Анналов Японии». На каменной плите вырезан фрагмент текста, где сообщается,

что с тех пор, как в 595 г. к берегам острова Авадзи прибило кусок ароматического дерева аквиларии длиной около одного метра, прошло ровно 1 400 лет. Считается, что это событие положило начало расцвету культуры благовоний в Японии [6, с. 30–31].

⁵ Почти все исследованные к настоящему времени памятники находятся на территории РК. Данными по результатам раскопок в КНДР авторы статьи не располагают.

⁶ Необходимо отметить, что данные по количеству памятников *мэхан*, обнаруженных на Корейском полуострове, значительно разнятся. Это связано с отсутствием единой классификации с определенным набором критериев, по которым каждый конкретный артефакт можно отнести к тому или иному типу.

4. Характеристика текстов

Тексты, вырезанные на поверхности памятников, содержат информацию о дате установки памятника, именах и регалиях покровителей и дарителей, упоминания о присутствующих при проведении ритуала. Некоторые тексты⁷ содержат информацию о количестве закопанных фрагментов древесины (10 связок – *табаль*) [11, с. 29].

На сегодняшний день наиболее древним памятником типа *埋香碑 мэханби* считается стела «Синан Пальгымдо», установленная в уезде Синан на острове Пальгымдо в 1002 г. в период правления вана Мокчона (998–1009) [11, с. 28]. Информация о ее установке подтверждается данными из «Истинных записей династии Чосон»⁸.

а)

б)

Рис. 1. а, б. Каменная стела Чонвон Мёнсокби 貞元銘石碑 (ПК, уезд Ёнъям), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 181 (установлена в 786 г.). Не квалифицируется однозначно как памятник «захоронения аромата» *мэханби*

Fig. 1 a, b. Jeongwon Stone Monument. Republic of Korea, Jeollanam-do, Seogurim. 貞元銘石碑 (786). Cultural Property Material № 181 of South Jeolla province. The monument is not qualified unambiguously as a stone stele *maehyangbi*.

⁷ Например, на стеле Чонван Мёнсокби (*Jeongwon Stone Monument*, 貞元銘石碑).

⁸ «Чосон ванджо силлок» (*Annals of the Joseon Dynasty*, 朝鮮王朝實錄).

К настоящему моменту южнокорейскими исследователями выявлен ряд основных факторов проведения ритуала *мэхан*. Так, часть специалистов считает одной из целей отправления ритуала *мэхан* стремление оградить страну от набегов «японских пиратов» *вако*.⁹

Другие исследователи считают основной целью проведения ритуала *мэхан* т. н. «составление» ароматической древесины аквиларии 沈香 *чхимхян* и получение качественного сырья, источающего приятный аромат. Некоторые ученые рассматривают эти ритуалы как проявление деятельности сельских буддийских общин.

Анализ исследований, созданных в русле южнокорейской археологической и исторической науки за последние 20 лет, позволяет сделать вывод о том, что ритуал «захоронения аромата» проводился группами адептов буддизма. Ли Джунгон указывает, что на церемонии обязательно присутствовал руководитель (даритель, жертвователь), распорядитель ритуала, буддийские монахи, чиновники низших

рангов, а также представители простого населения деревни [5, с. 98]. Хён Гвансок уточняет, что во время ритуала все участники становились в одну линию. Предположительно, в ходе проведения церемонии между участниками устанавливались особые доверительные, родственные отношения, т. е. они условно становились «братьями» [11, с. 32–34]¹⁰. Возможно, речь идет о формировании общины внутри того или иного поселения, члены которой были связаны между собой религиозно-процессуальными практиками и культурами. Других сведений, которые позволили бы пролить свет непосредственно на содержание ритуала, на данный момент не обнаружено.

Что касается времени проведения ритуалов *мэхан* и установки каменных стел, то южнокорейские ученые указывают на то, что в первый и второй, пятый и шестой, одиннадцатый и двенадцатый месяцы ритуалов захоронения не проводилось, тогда как в восьмом месяце зафиксировано пять церемоний из пятнадцати известных, в третьем – три, в четвертом – две, в седьмом – одна, в десятом – одна [5, с. 95]. По-

⁹ Морские разбойники (倭寇 / 和寇 яп. *вако*;) действовали с XIII по XVI вв. у берегов Корейского полуострова и Южного Китая, промышляя разбоем, грабежами и незаконной торговлей. В Корее и Китае они были прозваны «японскими пиратами» (кор. *вакхо*, кит. *вокоу*), поскольку до первой половины XV в. среди них было много выходцев с Японских островов (воинов, оставшихся без хозяина, разорившихся землевладельцев, рыбаков), а их цитаделью были территории Внутреннего моря и северной части о. Кюсю. По-видимому, такие разрушительные набеги со стороны морских разбойников во многом ускорили падение государства Корё (936–1392). Со второй половины XVI в. большую часть этих разбойных формирований уже составляли китайцы (с участием португальцев, активно осваивавших южные моря). С установлением регулярной торговли в проливе Цусима с корейской династией Ли, а также с развитием торговли между Японией и китайской династией Мин эти разбойные формирования постепенно исчезли. В периоды ослаб-

ления контролируемой торговли деятельность пиратов снова возобновлялась, постепенно смещаясь на юг, в воды Южно-Китайского моря. (Примечательно, что в Минское время в Китае сформировалась поговорка 北□南倭 *бэйлу наньво* (букв. «северные варвары, южные разбойники»), что подразумевает две основные напасти, большое зло). С усилением китайского морского флота при династии Мин, а также благодаря объединению Японии под властью Тоётоми Хидэёси деятельность пиратов была пресечена законом и постепенно сошла на нет (Энциклопедия Кодзиэн / под ред. Симмура Идзуру [広辞苑。新村出編。東京：岩波書店]. Токио: Иванами сётэн, 1998. 2988 с. (на яп. яз.), с. 2869; Большой словарь японского языка (с иллюстрациями) / под ред. Умэсао Тадао, Киндаити Харухико, Сакакура Ацуёси, Хинохара Сигэаки [日本語大辞典・カラー版。梅棹忠夫、金田一春彦、坂倉篤義、日野原重明監修]. Токио: Коданся. 1995. 2302 с. (на яп. яз.), с. 2136).

¹⁰ Анализ текста с памятника Омгилли, уезд Ённам.

видимому, первый и второй месяцы – это время холодов и подготовки к сельскохозяйственному сезону; пятый и шестой – период полевых работ, жаркий сезон; одиннадцатый и двенадцатый месяцы тоже связаны с большими холодами.

Эти выводы заставляют предположить, что ритуалы «захоронения аромата» и воскурения ароматической древесины предпочитали проводить в восьмой месяц года (по традиционному лунному календарю – канун осени) отнюдь неслучайно: этот период был связан в Корее с богатейшей календарной обрядностью праздника Чхусок («Осенний вечер»), известного с древности как праздник урожая и поминовения усопших родственников. Многие из праздников середины осени, будучи общими для этносов всего восточно-азиатского региона, восходят к праздничной обрядности «кормления голодных духов»¹¹, связанной с буддийскими представлениями о «воссоединении живых и мертвых в ритуальном сообществе», с проводами душ умерших в загробный мир. Такие обряды предполагали семейную и общинную разновидности, а также разделение на несколько этапов – встречу душ умерших, их чествование и проводы. Этап чествования покойных предков зачастую сопровождался возжиганием благовонных курений, среди которых были стебли

проса и конопли, которые рассматривались как средство коммуникации живых с умершими предками¹², а в дальнейшем связывались в народных представлениях с благодарностью за обильный урожай и «осеннем прибытке» в виде еды и одежды [3, с. 78–146].

Ниже в таблице представлены названия пятнадцати типологизированных памятников *мэхянби*, обнаруженных к настоящему моменту на Корейском полуострове. На этой территории имеются также камни, напоминающие по внешнему виду стелы *мэхянби*, однако однозначно квалифицировать их как памятники данного типа достаточно трудно.

Во время экспедиции в Республику Корея 13–21.11.2015 г. авторам данной статьи в сопровождении корейских коллег из разных регионов Республики Корея удалось посетить пять памятников, указанных в данном списке – № 4 Омгилли *мэхянби*, № 5 Ёнгван Попсон Ибамни *мэхянби*, № 6 Сачхон Хынсари *Мэхянби*, № 7 Есан Хёгёри *Мэхянби*, № 13 Ёнъям Чхэджири *мэхянби*. Помимо этого, была осмотрена вышеупомянутая каменная стела Чонвон Мёнсокби (Чолла-Намдо, Ёнъям (Согурим), Кунсо-мён), типология которой до сих пор окончательно не определена.

Список 15 каменных стел 埋香碑 *мэхянби*, обнаруженных на юге Корейского полуострова (Цит. по: [5, с. 94]).

¹¹ Этот обычай мог быть связан как с неупокоенными душами «своих» родовых и «чужих» предков, так и с представлениями о демонах, носителях различных эпидемиологических заболеваний, распространенных в жаркое время года в субтропической зоне [3, с. 145].

¹² Происхождение знака 香 *сян* «аромат» связывается, прежде всего, с волнующим ароматом, исходящим от нагретого зрелого зерна проса, одного из первых злаков, возделывавшихся в Древнем Китае. В дальнейшем постоянно происходило расширение границ значения этого знака (так, начиная примерно с первых веков н. э. иероглиф 香 стал применяться и для обозна-

чения любых видов ароматических лекарств и веществ, а с III–IV вв. им обозначали «благовонные изделия, изготовленные из ароматического сырья»), но в любом случае его основное значение было связано с приятным запахом (Тузце шовэнь цзецзы (Хуашо ханьцзы) [画说汉字 (图解说文解字)]).

(东汉)许慎著, 吴苏仪编。一西安: 陕西师范大学出版社]. Иллюстрированный словарь происхождения китайских иероглифов. Сюй Шэнь (Восточная Хань), ред. У Суи. Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. 509 с. (на кит. яз.), с. 389).

	Название	Транскрипция ¹³	Год установки стелы
1	新安郡八禽島 埋香碑	Sinan Palgeumdo maehyangbi, Sinan-gun	1002
2	高城三日浦埋香碑	Sachon maehyangbi, Sachon-si	1309
3	平北定州埋香碑	Pyeongbuk maehyangbi, Jeongju-si	1335
4	靈巖奄吉里巖刻埋香	Youngnam Eumgilli maehyangbi, Youngam-gun	1344
5	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri mae- hyangbi, Ibam-ri	1371
6	慶尙南道泗川埋香碑	Gyongsang Namdo Sachon maehyangbi, Sachon-si	1387
7	禮山孝橋里埋香碑	Yesan Hyogori maehyangbi, Yesan-gun	1403
8	新安巖泰島松谷里埋香碑	Sinan Amtaedo Songgok-ri maehyangbi, Sinan-gun	1405
9	海南孟津里巖刻埋香碑	Haenam Maengjinri maehyangbi, Haenam- gun	1406
10	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri mae- hyangbi, Yeongwang-gun	1410
11	三千浦埋香岩刻	Samcheonpo maehyangamgak	1418
12	巖泰島埋香碑	Amtaedo maehyangbi, Sinan-gun	1427
13	靈巖採芝里埋香碑	Yeongnam Chaeji-ri maehyangbi, Yeong- nam-gun	1430
14	長興德巖里巖刻埋香銘	Jangheung Deogamri Amgak mae- hyangmyeong, Jangheung-gun	1436
15	新安都草古蘭里埋香碑	Sinan-gun Docho-myeon Goran-ri mae- hyangbi, Sinan-gun	1457

Ниже приведена краткая информация по данным пяти памятникам.

**1. Памятник № 4 Омгилли мэханби¹⁴
靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (영암 엄길리 매향비).**

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнгам, окраина деревни Омгилли. Надпись выполнена на гладкой поверхности скалы в горах на высоте около 1 000 м.

Размеры участка скалы с высеченной надписью: высота 125 см, ширина 80 см.

Памятник был обнаружен в 1984 г. в ходе археологических раскопок с участием профессора Национального университета г. Mokpo Ли Хэджуна. 21 декабря 1988 г. он был включен в список культурного наследия Чолла-Намдо под № 119, 11 апреля 2001 г. – в список государственного наследия под № 1309.

Расположение высеченного на камне текста не очевидно – участок скалы с иероглифическими знаками зажат в узком проходе под нагромождением огромных валунов и не

¹³ Транскрипция приведена в соответствии с правилами Новой романизации корейского языка (2000).

¹⁴ У памятника есть еще и другие названия – Чхорам, или Свепау, или Кыльсин пау (диал. *пави* – «валун»).

виден при подходе к месту «захоронения аромата». Это обстоятельство позволило данному участку скалы относительно хорошо сохраниться от разрушительного воздействия ветра и воды. Благодаря этому удалось восстановить текст, нанесенный на скальную поверхность. Он состоит из 114 знаков, восемь из которых пока расшифровать не представляется возможным. Строк по вертикали – 19, по горизонтали – 17. Размер слогов неодинаковый, текст организован слева направо. На стенде возле скалы, установленном для посетителей, сообщается краткая информация о месте, цели, составе участников ритуала, указываются имена людей, составлявших памятные надписи.

Судя по этой информации, сообщается о большом количестве людей, собравшихся при проведении ритуала (букв. 千萬 – «десять миллионов»), что говорит не только о самом факте события, привлекавшего всеобщее внимание, но и о важности религиозно-культурных практик и активной деятельности сельской общины в данной местности¹⁵.

Несмотря на то, что на рубеже эпох Корё и Чосон отмечается снижение авторитета буддизма, в ритуалах возжигания благовоний все еще долго присутствуют культовые практики, в особенности, связанные с почитанием Будды Майтрея. В соответствии с этой тенденцией, текст надписи на скале Омгилли мэхянби содержит не только упоминание о том, что ри-

туал был произведен тринадцатого числа восьмого месяца в первый год правления вана Чунмока (1344), но и указание на то, что это соответствует 2349-му году со дня смерти Будды (рис. 2).

2. Стела № 5 Ёнгван Попсон Ибамни мэхянби 靈光法聖笠巖里埋香碑 (영광법성입암리매향비).

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнгван, деревня Ибамни.

Размеры: высота 120 см, ширина 40 см, камень трапециевидной формы, с широким нижним основанием и узкой верхней частью.

Согласно тексту, высеченному на камне, захоронение ароматической древесины в месте установки памятника было выполнено два раза. Первый – в 1371 г. (20-й год правления Конмин-вана (годы жизни 1330–1374, годы правления 1351–1374) и в 1410 г. (10-й год правления Тхэджон-вана (годы жизни 1367–1422, годы правления 1400–1418).

Настоящее место нахождения памятника не совпадает с местом обнаружения. Камень был найден на сельскохозяйственном поле той же провинции в ходе прокладки дренажной системы в 1985 г., а в 1987 г. был перевезен в то место, где он сейчас находится. По словам местных жителей, этот камень использовался долго в качестве причального столба для лодок и небольших судов.

¹⁵ Предположение о том, что проведение ритуала захоронения благовонной древесины связано с деятельностью деревенских общин, поддерживается не всеми корейскими учеными. Так, против этой теории выступает авторитетный этнолог Ли Джунгон, профессор

Национального приморского университета г. Мокпхо (Lee Jungon, Mokpo Maritime National University) (подробнее см. [4, с. 1–13].

Рис. 2. Памятник Омгилли *мэхянби* 靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (ПК, дер. Омгилли, уезд Ёнъям), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 119, объект материального культурного наследия РК № 1309 (создан в 1344 г.)

Fig. 2. Youngnam Eumgilli rock engraving *maehyang* monument. Joeollanam-do, Youngam-gun. 靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (1344). Cultural Property Material № 119 of South Joeolla province. Cultural Property Material № 1309 of Republic of Korea.

Текст нанесен на переднюю и левую боковую поверхности каменной стелы. На одной из них указана дата установки – четвертый месяц четвертого года эры Хун-у (1368–1398), т. е. 1371 г., а также содержится информация о дарителе ароматической древесины, и о том, что она захоронена «в 200 шагах к востоку» от места установки стелы. На другой стороне стелы указана дата – десятый месяц восьмого года эры Юн-лэ (1403–1424), т. е. 1410 г., а также содержится информация о местонахождении закопанной древесины – на расстоянии

«200 шагов на юг» от места установки камня. На задней поверхности выгравирована надпись «1972.2 *сэмаыль*» (букв. «Новая древесня»), что указывает на факт переустановки стелы во время «движения за Новую древесню» (*Сэмаыль ундон*).¹⁶

Памятник занесен в список культурного наследия провинции Чолла-Намдо 20 сентября 2004 г. под № 224. Он установлен рядом с мемориальными стелами в честь основания деревни Ибамни (рис. 3).

¹⁶ Движение за Новую древесню *Сэмаыль ундон*, начавшееся в 1970 г., было частью экономической программы президента Пак Чонхи (1917–1979), призванной покончить с бедностью в сельской местности. Движение *Сэмаыль ундон* вошло в историю как начало корейского

экономического рывка и модернизации (В реестре ЮНЕСКО еще два корейских исторических документа. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/program/program_trendkorea_detail.htm?No=113287 (дата обращения 14.07.2016)).

Рис. 3. Стела Ёнгван Попсон Ибамни *мэхянби* 靈光法聖笠巖里埋香碑 (РК, дер. Ибамни, уезд Ёнгван), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 224 (установлена в 1371 г.)

Fig. 3. Yeongwang Beobseong Ibam-ri *maehyangbi*, Republic of Korea, Joeollanam-do, Ibam-ri. 靈光法聖笠巖里埋香碑 (1371). Cultural Property Material № 224 of South Joeolla prov.

3. Стела № 6 Сачхон Хынсари **Мэхянби 慶尙南道泗川市昆陽面興士里** **(사천 흥사리 매향비).**

Местоположение: провинция Кёнсан-Намдо, г. Сачхон, деревня Хынсари.

Размеры: длина 160 см, ширина 120 см, форма стелы прямоугольная.

Стела в виде массивного камня установлена на тринадцатом году правления У-вана (1387 г.), в конце периода Корё. Текст, высеченный на камне, включает пятнадцать строк с 204 иероглифами. Сообщается о том, что в ритуале участвовали 4 100 человек, включая монахов¹⁷. Люди молились о долголетию и

¹⁷ По другой трактовке, «1 000 человек» (千人). В любом случае, вряд ли имеется в виду точное число присутствующих – скорее всего, речь идет о большом количестве людей, участвующих в церемонии.

процветании государя, народном благоденствии и счастье.

Надпись составлена монахом Тальгоном (達空), записана неким Суаном (手安), высечена Ким Ёном (金用). Сообщается, что Тэхваджу (大化主) и Каксон (覺禪) возложили на себя ответственность за сохранность текста. К особенностям надписи можно отнести неодинаковый размер знаков, отсутствие межстрочных промежутков и стройных линий по горизонтали и вертикали, в связи с чем текст в целом выглядит неряшливо.

Несмотря на это, эпиграфический памятник Сачхон Хынсари Мэхянби является ценным источником не только по изучению жизни деревенской общины, ритуально-куль-

тового поведения населения средневековой Кореи, но и важным свидетельством развития письменной культуры данного региона.

В июне 1977 г. возле каменного монумента был воздвигнут живописный павильон в традиционном стиле корейской архитектуры. В 1978 г. под № 614 стела занесена в реестр памятников культурного наследия Республики Корея. На информационном стенде, установленном близ павильона со стелой, упомянут еще один аналогичный памятник Чхимхян сокгак (沉香石刻), якобы воздвигнутый в г. Чонджу, в провинции Пёнъан-пукто (КНДР) в 1335 г. При этом сообщается, что в настоящее время о нем ничего неизвестно. Этот факт придает особую значимость сохранившейся стеле (рис. 4 а, б).

а)

б)

Рис. 4 а, б. Стела Сачхон Хынсари *мэхянби* 慶尙南道泗川市昆陽面興士里 (ПК, дер. Хынсари, г. Сачхон, пров. Кёнсан-Намдо), объект материального культурного наследия ПК № 614 (установлена в 1387 г.)

Fig. 4 a, b. Gyongsang Namdo Sachon *maehyangbi*, Gyongsangnam-do, Sachon-si.

慶尙南道泗川市昆陽面興士里 (1387). Cultural Property Material № 614 of Republic of Korea.

4. Стела № 7 Есан Хёгёри Мэхянби (Матвебави) 禮山孝橋里埋香碑 (예산 효교리 매향비).

Местоположение: провинция Чхунчхон-Намдо, г. Есан, окраина деревни Хёгёри.

Размеры: по горизонтали 173 см, по вертикали 185 см, толщина 44 см.

На поверхности камня высечены иероглифы, которые трудно поддаются расшифровке вследствие длительного разрушения горной породы такими природными факторами, как вода, ветер и резкое колебание температур. Однако смысл надписи сводится к упоминанию о том, что памятный камень был установлен в год Кеми (1403?) людьми из Исана (伊山) и Токпхуна (德豊) в деревне Ёньори (龍吾里) на месте захоронения фрагмента ароматической древесины.

На поверхности памятника имеются три углубления различной формы – одно круглое и два прямоугольных. По словам местных жителей, в этих углублениях, как в ритуальных чашах, регулярно появлялась пища и вода, что, вероятно, сопровождалось жертвенным церемониалом, а в народных представлениях связывалось с благоволением высших сил.

На стенде рядом с камнем указано, что памятная стела была установлена в месте погребения ароматической древесины с целью приумножения благоденствия (участников ритуала?) в будущей жизни. При этом сообщается конкретная методика: первоначально кусок древесины погружался в воды реки или моря, а затем захоранивался. Вероятно, имелся в виду такой известный природный

фактор, как длительное гниение древесины аквиларии в условиях теплого и влажного климата, когда под воздействием бактерий из-под земли начинал выходить густой и терпкий аромат.

Стела Матвебави занесена 30 июня 2001 г. в реестр памятников культурного наследия провинции Чхунчхон-Намдо под № 155 (рис. 5).

Рис. 5. Стела Есан Хёгёри *мэхянби*, или Матвебави 禮山孝橋里埋香碑 (ПК, дер. Хёгёри, г. Есан), объект материального культурного наследия пров. Чхунчхон-Намдо № 155 (установлена в 1403 г.)

Fig. 5. Yesan Hyogori *maehyangbi*, Republic of Korea, Chungcheongnam-do, Yesan-gun.
禮山孝橋里埋香碑 (1403). Cultural Property Material № 155 of South Chungcheong province.

5. Стела № 13 Ёньям Чхэджири

мэхянби 靈岩採芝里埋香碑

(영암채지리매향비)

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёньям (окрестности г. Мокпхо), деревня Чхэджири.

Размеры: высота 106 см, ширина в верхней части 64 см, толщина у основания 48 см, толщина вверху 18 см.

Мемориальный камень был обнаружен неким Чхве Гымсопом, жителем деревни Курим в уезде Ёньям в 1992 г. В том же году 30 ноября под № 189 объект был занесен в реестр материального культурного наследия.

Примечательно, что согласно тексту, нанесенному на поверхность камня, ритуал захоронения ароматической древесины был совершен на пятом году правления королевы Сондок (?–647) в 636 г., тогда как сама стела в честь этого события была установлена спустя 800 лет – лишь в 1430 г., в девятнадцатый день двенадцатого месяца 1430 г., что соответствует двенадцатому году правления вана Седжона (1397–1450). Такой внушительный временной разрыв дает основания предполагать наличие письменных памятников, где могла быть зафиксирована эта информация.

Иероглифический текст высечен только на фасаде стелы и содержит 34 знака, расположенных в четыре строки. Там указаны год, месяц и число установки мемориального камня, имя дарителя ароматического дерева *чхимхян* и название места нахождения монумента. Поверхность каменной стелы вся покрыта патиной белого цвета и рыжим мхом, что существенно затрудняет реконструкцию текста.

На информационном стенде рядом с каменной стелой сообщается, что монумент был установлен в месте захоронения фрагмента ароматической древесины – вместе с пожеланиями возродиться в мире Будды Грядущего (Майтреи). Здесь же поясняется, что захороненная в земле древесина, по представлениям

буддистов, вместе с чудесным ароматом, выходящим из-под земли, могла возвестить миру о наступлении нового справедливого мира спокойствия и благоденствия. Вместе с пояснениями, что на рубеже двух периодов (Корея и Чосон) были чрезвычайно популярны идеи, согласно которым религиозные ритуалы с захоронением древесины агарового дерева *чхимхян* должны освободить людей от болезней и горестей мира настоящего, даются комментарии о том, что данные церемонии были призваны также успокоить и тех, кто страдал от набегов морских разбойников – «японских пиратов» *вако*: (рис. 6).

Рис. 6. Стела Ённам Чхэджири *мэхянби* 靈岩採芝里埋香碑 (ПК, дер. Чхэджири, уезд Ённам), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 189 (установлена в 1430 г.)
(Материалы работы авторов в Республике Корея в ноябре 2015 г.)

Fig. 6. Yeongnam Chaeji-ri *maehyangbi*, Republic of Korea, Jeollanam-do, Yeongnam-gun.
靈岩採芝里埋香碑 (1430). Cultural Property Material № 189 of South Jeolla province.
(Materials of field work of authors in the Republic of Korea in November, 2015)

Как показывает этот краткий обзор, большинство южнокорейских ученых связывает совершение ритуала *мэхян* с буддизмом, в частности с культом Будды Майтреи. Согласно этой теории, основной целью закапывания древесины в землю можно считать стремление адептов буддизма ускорить приход на землю Будды Майтреи и, как следствие, приблизить наступление эпохи всеобщей любви и благоденствия. Адепты учения верили, что дым от воскурения благовоний, поднимающийся вверх, мог быть замечен Буддой Грядущего, обитающего, согласно легенде, в Небесном Саду (санск. *тушита*).

Особого внимания заслуживает вопрос о времени появления и исчезновения ритуала *мэхян*. На данный момент на территории южной части Корейского полуострова пока не обнаружены каменные стелы *мэхянби*, относящиеся к позднему Средневековью. Археологические находки и письменные данные подтверждают активное проведение ритуала *мэхян* в эпоху Корё (918–1392), что, вероятнее всего, было связано с особым положением буддизма в этот период.

Эпоха Корё вошла в историю как период наивысшего расцвета буддизма в Корее. В X–XIV вв. буддизм сохранял свое положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях сотрудничества с аристократической верхушкой общества.

Буддийское духовенство в этот период стало одним из крупнейших землевладельцев страны и оказывало мощное влияние как на духовную сферу жизни корейского народа, так и на политическую, пытаясь добиться покровительства со стороны государства. При активной поддержке властей в его распоряжении были сосредоточены многочисленные монастыри и храмы, земельные угодья. Государ-

ство и частные лица тратили огромные средства на строительство молелен и буддийских святынь [8, с. 70].

Действительно, в «Истории Корё» приведены «Десять основных заповедей» (訓要十條, Хунъё сипчо), составленных основателем государства Ван Гоном (годы жизни 877–943, годы правления 918–943): «Наше государство образовалось благодаря покровительству множества бодхисаттв. Поэтому надо построить чаньский храм и школу для изучения буддийских текстов, монахи будут отправлены в храмы воскурять фимиам и управлять ими» (Цит. по: [12, р. 76]).

Укрепляясь в государственно-чиновной среде, буддизм в X–XI вв. при этом активно проникал в народные массы. Под руководством буддийских деятелей возникало большое количество сект различного толка [8, с. 71]. В связи с этим можно предположить, что формирование ритуала *мэхян* и связанной с ним обрядности в различных районах Корейского полуострова логично вписывалось в концепцию пропаганды буддизма и буддийских культовых практик в средневековой Корее. Укреплению этого ритуала в широких народных массах, вероятно, способствовала празднично-календарная стихия, во многом основанная на традиционных буддийско-даосских культах и представлениях.

С установлением эпохи Чосон в 1392 г. в связи с необходимостью создания сильного централизованного государства ведущей интеллектуальной силой общества становится конфуцианство чжусианского толка, а буддизм утрачивает свое влияние [8, с. 91]. Это соображение отчасти объясняет факт отсутствия стел

мэхянби на территории Корейского полуострова со второй половины XVI в.¹⁸

Таким образом, очевидно, что ритуальная деятельность, связанная с культурой благовоний, в Восточной Азии имеет очень древние истоки, что подтверждается данными письменных и эпиграфических источников, а также археологическими находками. Возжигание ароматического сырья являлось необходимым элементом религиозно-сакральной обрядности и бытовой сферы, что привело в регионе к формированию специфических вариантов культуры благовоний.

Яркую особенность национального варианта корейской культуры благовоний составляют ритуалы «захоронения ароматов» *埋香 мэхян* и каменные стелы *埋香碑 мэхянби*, связанные, прежде всего, с церемониальной и обрядовой деятельностью сторонников буддизма (главным образом, адептов культа Будды Майтреи), расцвет которого пришелся на период Корё (918–1392).

Полная реконструкция когнитивной схемы этого культурного феномена в настоящее время затруднена ввиду большого количества вопросов и сомнений, однако на основании изученных материалов можно предположить, что это явление в средневековой Корее в самом общем виде объединяло два процесса –

сам ритуал захоронения ароматической древесины (возможно, сопровождавшийся ее воскурением) и последующую торжественную установку памятной стелы в честь этого события. Обе части этого явления могли отстоять друг от друга на весьма длительный промежуток времени (от нескольких месяцев до сотен лет, вплоть до 800)¹⁹.

Предположительно сам ритуал *мэхян* включал следующие этапы:

– определение старейшинами места захоронения древесины (как правило, вблизи рек и водоемов);

– подготовка древесины к захоронению путем ее смачивания в водах реки – видимо, с целью ускорения процессов гниения для «состаривания»;

– в присутствии большого скопления людей представление общине дарителя (жертвователя) древесины и ответственных за проведение ритуала;

– закапывание куска ароматического дерева в землю, сопровождавшееся молитвенными действиями в честь бодхисаттв и Будды Майтреи.

Что касается процесса установки стелы, то, вероятно, это тоже происходило в несколько этапов:

¹⁸ По теории В. У. Тернера, ритуал и «церемониальные институты восстановления» обязательно присутствуют там, где есть «социальная драма», конфликт разнонаправленных сил. Ритуал при этом содействует расширению границ культуры в адаптации к инновациям, а также защищает ядро культуры, утверждая традиционные ценности и нравственное единство [1, с. 27–28]. Во время тяжелых испытаний для корейского народа (нашествия лясцев в 1010–1011 гг. и 1018–1019 гг., пхеньянские события 1135–1136 гг., мятежи и восстания в ряде провинций и на о-ве Чеджудо в 1160–1170 гг., монгольские завоевания (1227 – вторая половина XIV в.), кризисный ритуал *мэхян* мог выступать в качестве одного из инструментов поддержания

общих норм и ценностей нации (подробнее см. [7; 10]). По этой теории, с установлением эпохи Чосон (1392–1910) и постепенным разрешением ряда «социальных драм» ритуал *мэхян* исчезает.

¹⁹ Весьма показательным в этом смысле является уже упоминавшийся факт о том, что памятная стела аромату аквиларии была установлена на территории святилища Идзанаги дзингу: в Японии в 1995 г. – спустя 1400 лет после того, как кусок древесины в 595 г. прибило к берегам острова Авадзи, что ознаменовало собой становление традиции воскурения ароматического сырья и формирования культуры благовоний.

– выбор старейшинами места установки камня (вблизи рек и водоемов);

– представление общине составителя текста, резчика, изготовителя стелы, монахов, проводящих церемонию;

– религиозно-магические действия, направленные на обеспечение покровительства правителей и буддийских божеств.

При этом остается неясным, где находили камни, откуда их привозили, каким образом доставляли – насчет этого достоверные эпиграфические сведения отсутствуют. Вероятно, более эффективным может оказаться использование данных из письменных источников, включая династийные хроники, информационные записки и этнографические зарисовки в жанрах 稗說 *пхэсол* (букв. «пустяковые речения») и 隨筆 *сунхиль* (букв. «вслед за кистью»), храмовые истории, привлечение которых сможет закрыть лакуны в изучении различных аспектов такого примечательного феномена традиционной культуры Кореи, как ритуал *мэхян*.

Отсутствие в Китае и Японии убедительных следов ритуала «захоронения аромата» (埋香) демонстрирует специфику устойчивого развития корейской традиции в условиях полноформатного влияния китайской континентальной культуры, тогда как наличие в культуре благовоний Китая, Кореи и Японии соответствующего явления в более узком значе-

нии этого термина (как метода «слушания аромата» (聞香) путем поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел) в очередной раз свидетельствует об общности многих культурно-исторических процессов, происходящих в этом обширном регионе.

Авторы выражают большую благодарность южнокорейским коллегам-археологам – аспиранту Ким Ынсоку (*Kim Eunseok*), проф. Чон Сокпэ (*Jeong Seokbae*) и проф. Киму Гёнхэку (*Kim Gyeongtaek*) из Национального университета культурного наследия в г. Пудэ, проф. Киму Чунбэ (*Kim Chungbae*) из Музея земли и жилищного строительства в г. Чинджу, а также проф. Ли Хонджону (*Lee Heonjong*) и ассистенту Ли Сынхёну (*Lee Seunhyeon*) из Национального университета Mokpo за организацию полевых исследований в ноябре 2015 г. и помощь в подготовке данной публикации.

The authors express their deep gratitude to the South Korean colleagues archaeologists - graduate student Kim Eunseok, prof. Jeong Seokbae and prof. Kim Gyeongtaek from Buyeo (Korea National University of Cultural Heritage), prof. Kim Chungbae from Jinju (Land and Housing Museum), prof. Lee Heonjong and assistant Lee Seunhyeon from Mokpo (Mokpo National University) for the organization of field research in November 2015 and assistance in preparing this publication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлис В. А. [вступ. ст.] // Тэрнер У. В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
2. Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Ритуал «захоронения благовоний» в традиционной культуре Восточной Азии: от литературы до эпиграфики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 4: Востоковедение. – С. 101–110.
3. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М.: Наука, 1989. – 360 с.

4. **Ли Джунгон.** Ёнъям омгилли амгак мэхянби-ый пимун пхандок-ква хэсок [李準坤. 靈巖庵吉里巖刻埋香碑의 碑文判讀과 解釋]. Анализ надписи на стеле Омгилли мэхянби в уезде Ёнъям // Сборник исследований Национального университета Mokpхо. – 2001. – Вып. 9, № 2. – С. 1–13. (на кор. яз.)
5. **Ли Джунгон.** Чосон мэхянби-ый нээн пунсок [李準坤. 韓國 埋香碑의 內容 分析]. Анализ надписей на стелах мэхянби в Корее. – Mokpхо, Изд-во Национального университета Mokpхо, 2005. – С. 93–101. (на кор. яз.)
6. **Ота Киёси.** Ароматы и чайная церемония [太田清史. 香と茶の湯. 京都：淡交社]. Киото: Танко:ся, 2001. – 190 с. (на яп. яз.)
7. **Тихонов В. М., Кан Мангиль.** История Кореи: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
8. **Толстокулаков И. А.** Очерк истории корейской культуры. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 233 с.
9. **Фу Цзинлянь.** Китайская культура благовоний [傅京亮. 中国香文化. 济南：齐鲁书社]. – Цзинань: Цилу шушэ, 2011. – 316 с. (на кит. яз.)
10. **Хан Ёнъю.** История Кореи. Новый взгляд. – М.: Вост. лит., 2010. – 758 с.
11. **Хён Гвансок.** Ёнъям-ый мэхянби-ва чүё пхогу-рыль тхонхэ пон кодэ-ый сандэпхо-э гванхан ёнгу [형광석. 영암의 매향비와 주요 포구를 통해서 본 고대의 상대포에 관한 연구]. Стелы мэхянби в уезде Ёнъям и история древнего порта Сандэпхо через призму истории основных гаваней // Исследования по экономике Северо-Восточной Азии. – 2010. – Вып. 22, №3. – С. 25–41. (на кор. яз.)
12. **Kang Jae-eun.** Two Thousand Years of Korean Confucianism. – New Jersey, Paramus: Homa & Sekey books, 2006. – 516 p.
13. **Voytishak E., Shmakova A.** Epigraphic memorial stele 埋香碑 mehyangbi (“Incense Burial”) as an Archaeological and Cultural Heritage of Medieval Korea (Compared to Chinese and Japanese Traditions) // The 21st Suyanggae and Her Neighbours International Simposium Laramie. – Laramie: University of Wyoming, USA, 2016. – P. 229–235.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.03)

Anna Sergeevna Shmakova, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

E-mail: shmakovaa@yahoo.com

Bae Kidong, PhD, professor of the Department of anthropology, Hanyang University, Ansan, Republic of Korea.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7202-5395>

E-mail: bkd5374@gmail.com

Elena Edmundovna Voytishek, Doctor of Historical Sciences, PhD, Professor, Head of Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

E-mail: elenavoyt@academ.org

INCENSE BURIAL RITUAL 埋香 MAEHYANG IN THE SOUTHERN PART OF THE KOREAN PENINSULA: PROBLEMS OF RECONSTRUCTION

Abstract

*Among various types of rituals that emerged in the mainstream culture of East Asia, the “incense burial” ritual 埋香 (Chin. maixiang, Kor. maehyang) holds a prominent place. It is connected with agar wood (*Aquilaria agallocha* Roxb.), which has long been well known in Eastern countries. Originating from South China in ancient times as a funeral ceremony when a dead body was surrounded by aromatic timber chips, the “incense burial” ritual failed to develop in China. Since the 7th century in Chinese literary tradition, the term “incense burial” was mentioned as “to bury a beauty”, or “to bury a beautiful young woman”.*

As said above, the tradition of “incense burial” hasn’t been well developed in China or on Japanese islands, but it was broadly spread on the Korean Peninsula, especially from the 8th to the 14th centuries; the period considered as the medieval times of Korean history.

The article declares that the “incense burial” ritual involves two stages: the ritual burial of aromatic wood in the ground with the aim of “wearing out” and possibly accompanied by kindling, as well as the installation of a stone stele 埋香碑 maehyangbi in honor of this event. Both stages could be separated in time by tens and hundreds of years.

The authors of the article define the typology of the maehyangbi steles found so far in the south of the Korean Peninsula, which reveal their value as important historical, archaeological and epigraphic monuments, consider a close relationship between the maehyang ritual and Buddhism (in particular, with the cult of the Buddha Maitreya), and designate a similarity of cultural and historical processes in the culture of Eastern Asia.

Keywords

Incense burial, agarwood, maehyang ritual, stone steles maehyangbi, East Asia, Korean Peninsula, buddhism.

REFERENCES

1. Beylis V. A. [Introd.]. Terner U. V. *Symbol and ritual*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 277 p. (In Russian)
2. Voytishek E. E., Shmakova A. S. “Incense burial” ritual in the traditional culture of East Asia: from literature to inscriptions. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2016, vol. 15, iss. 4: Oriental Studies, pp. 101–110. (In Russian)
3. *Calendar customs and ceremonies of the people of East Asia. Annual cycle*. Ed. R. Sh. Zharilgasinova, M. V. Kryukov. Moscow, Nauka Publ., 1989, 360 p. (In Russian)
4. Lee Jungon. The Interpretation of the Buried Perfume Inscription on the Rock at Eum-gil Village (奄吉里), Young-am Country (靈巖郡), Korea. *Bulletin of Mokpho National University*. 2001, vol. 9, no. 2, pp. 1–13. (in Korean)
5. Lee Jungon. The Analysis of the Contents of “Buried Perfume Tombstone” discovered in Korea. Mokpho, Mokpho National Marytime University Publ., 2005, pp. 93–101. (In Korean)
6. Ota Kiyoshi. *Incense and tea ceremony*. Kyoto, Tankōsha Publ., 2001, 190 p. (In Japanese)
7. Tikhonov V. M., Kan Mangil. A history of Korea: in 2 t. T. 1. From ancient times to 1876. Moscow, Natalis Publ., 2011, 533 p. (In Russian)
8. Tolstokulakov I. A. *Issue of history of the Korean culture*. Vladivostok, Far East University Publ., 2002, 233 p. (In Russian)
9. Fu Jingliang. *Chinese culture of incense*. Jinan, Qilu shushe Publ., 2011, 316 p. (In Chinese).
10. Han Yeongwu. The History of Korea. New look. Moscow, East Lit. Publ., 2010, 758 p. (In Russian)
11. Hyung Kwang-Seok. A Study on Sandai Port Through MaiHyangbi Gravestones and Ports of Yeongnam. *The Journal of Northeast Asian Economic Studies*. 2010, vol. 22, iss. 3, pp. 25–41. (In Korean)
12. Kang Jae-eun. *Two Thousand Years of Korean Confucianism*. New Jersey, Paramus, Homa & Sekey books Publ., 2006, 516 p.
13. Voytishek E., Shmakova A. Epigraphic memorial stele 埋香碑 mehyangbi (“Incense Burial”) as an Archaeological and Cultural Heritage of Medieval Korea (Compared to Chinese and Japanese Traditions). *The 21st Suyangga and Her Neighbours International Simposium*. Laramie, University of Wyoming, USA, 2016, pp. 229–235.